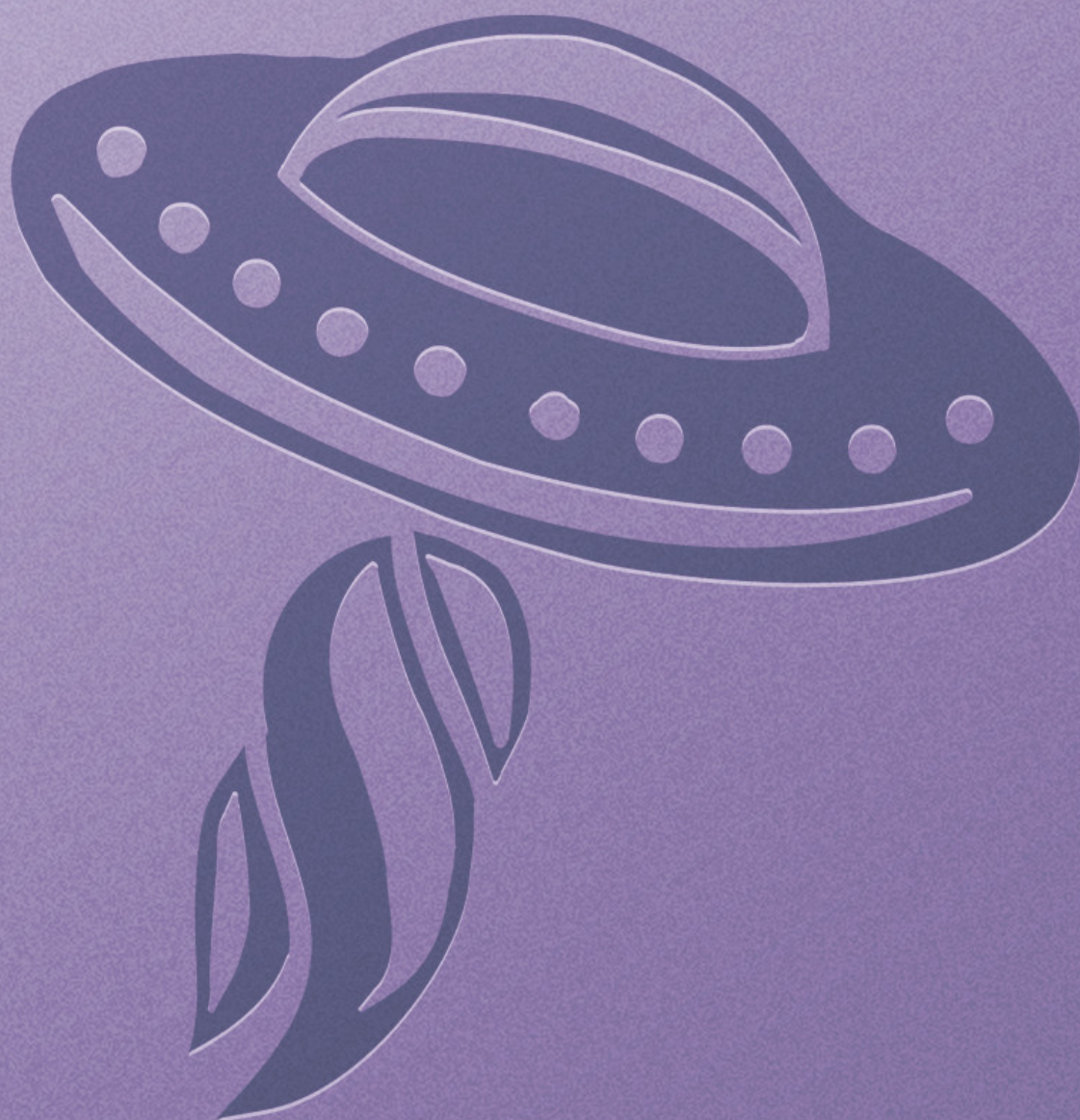

Илья Новак

Солнечная магия

Илья Новак

Солнечная магия

«Автор»

Новак И.

Солнечная магия / И. Новак — «Автор»,

Кукса Пляма из племени аксов отправляется в опасное путешествие, чтобы спасти своего друга Пака Ловкача, схваченного коварным графом Сокольников. Ей пришлось испытать на себе чары злого колдуна Мармадука и вступить в неравный бой с наемниками-снежниками. С помощью солнечной магии Кукса и ее сподвижники смогли победить колдуна и разрушить силу его заклинаний.

© Новак И.

© Автор

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	19
Глава 6	23
Часть вторая	26
Глава 1	26
Глава 2	31
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Илья Новак

Солнечная магия

Часть первая

Ночные приключения

Глава 1

Часы на башне главной городской площади пробили в двенадцатый раз, и с последним их ударом пришло время Магии Полночи.

Музыка была незатейлива, но трогала сердца. Звучала губная гармошка и трехструнное банджо, позвякивал бубен. Старый Бодарь сидел на бочонке и играл, как обычно, полуприкрыв глаза, отбивая ритм ударами босой пятки по мостовой. Кукса Пляма пританцовывала и трясла бубном, а Пак Ловкач отрабатывал свою обычную программу.

Его тело двигалось в ритм музыки, и множество юных горожанок во все глаза наблюдали за ним. Особый оттенок кожи выдавала в Ловкаче акса, представителя редкого в этом мире племени. Если бы Куксе Пляме, которую еще называли Занозой, было лет на семь больше, то она бы тоже обращала на себя внимание толпы, а так на нее смотрело лишь несколько мальчишек. Она была аксой, для своего возраста – совсем небольшого роста, с розовощеким лицом и светлыми, вечно всклокоченными волосами, которые торчали во все стороны будто солома.

Вот уже два года, четверть своей короткой жизни, она была безответно и страстно влюблена в Пака Ловкача.

В свете факелов он изогнулся дугой, сделал “мостик”, встал на руки, перекувыркнулся и начал жонглировать маленькими желтыми шарами, которые до того прятал неведомо где. Кукса стала чаще ударять в бубен, Бодарь тоже ускорил ритм. Никто из зрителей не заметил, как Ловкач достал шары. Со стороны это казалось волшебством.

Толпа затаила дыхание, наблюдая за взлетающими и падающими шарами. Кукса подняла с мостовой шапку Бодаря и собралась завершить представление. Момент для собирания медяков со зрителей был самым подходящим.

Кто-то закричал, и на площадку, образованную фургоном странствующего цирка, помощом городской плахи и небольшой толпой жителей города-государства Лаверикса, выскочил человек. Он покатился по мостовой, вскочила и замер, настороженно глядя на пять фигур, которые отделились от толпы. Ритм музыки сбился, а затем она и вовсе смолкла – Кукса Пляма опустила бубен, Бодарь перестал перебирать струны. Пак Ловкач по-особому взмахнул руками, и желтые шары один за другим исчезли, будто растворились в воздухе.

Тот, кто выскочил из толпы, был мальчишкой лет десяти, плохо одетый и грязный. Куксе показалось, что глаза его смотрят в разные стороны – мальчишка был косоглаз.

Толпа схлынула, как волна, оставив на мостовой неподвижно стоящего человека в дорогом камзоле, бархатных лосинах и ботфортах на высоченных каблуках. Граф Сокольник, вспомнила Кукса. Дальний родственник короля, скончавшегося прошлой ночью.

Пятеро охранявших графа стражников расходились, обступая маленького воришку. Позади них Бодарь тяжело встал, сунул банджо подмышку и неторопливо двинулся в сторону фургона, давая понять, что представление закончено. Кукса, уяснив, что теперь никто не заплатит ни гроша, подбоченилась, рассерженно наблюдая за происходящим.

Жертва бросилась влево, но один из охранников метнул беручи: два усеянных шипами железных шарика на тонкой длинной цепочке обвили ногу мальчишки и с громким стуком столкнулись, заставив его вскрикнуть и упасть на мостовую.

Кукса повернула голову – Сокольник уставился на нее, насмешливо заломив бровь, словно спрашивая: “Не боишься?”.

– Что он сделал? – с вызовом спросила Заноза.

Граф ответил:

– Он ничего не успел сделать. Но хотел срезать мой кошелек.

Мальчишка тем временем пополз, пытаясь скрыться под цирковым фургоном, но тот стражник, который воспользовался беручи, бросился вперед и стукнул его кулаком по затылку. Голова ударилась о мостовую, и это послужило сигналом – четверо других подскочили и принялись пинать вора ногами.

В отличие от большинства маленьких девочек, Кукса не была жалостливой. Мяукающие котята и гугукающие младенцы не вызывали у нее приступов пискливого восторга и желания потискать их. Но тут дело было в принципе – не позволяй бить слабых. Она обернулась к Ловкачу, который растерянно наблюдал за происходящим. Даже в этой ситуации он не забывал, что вокруг есть люди, и потому стоял в очень красивой позе, сложив руки на груди и выставив вперед правую ногу. Сердечко Занозы сладко сжалось.

Стражники продолжали молотить мальчишку, толпа потихоньку расходилась, граф Сокольник задумчиво наблюдал за происходящим.

Ловкач покосился на Куксу.

– Сейчас они совсем его прибьют, – негромко произнесла та. – Не поможешь?

Краем взгляда она заметила, что Сокольник смотрит на них и, скорее всего, прислушивается к разговору.

Ловкачу явно не хотелось участвовать в этом, но акса в упор глядела на него.

– Значит, пусть убивают?

– Эй, ребята, может хватит? – Пак наконец собрался с духом и шагнул к стражникам, обступившим слабо шевелящегося воришку. К тому времени старый Бодарь уже скрылся в фургоне, а из всех горожан на площади осталось лишь несколько самых любопытных – или самых глупых – зрителей.

Ловкач тронул за плечо одного из стражников. Тот резко обернулся, вскидывая руку с беручи.

Пак Ловкач, да и сама Кукса Пляма, не умели сражаться так, как сражалось большинство обитателей этого мира, который назывался Галактон. В школе аксов, где воспитывались дети племени аксов, не обучали обычной драке. Их учили Акробатике, но не простой, а со всякими хитрыми тайными приемами и финтами.

– Он же акс! – произнес другой стражник, обращаясь к напарнику, который теперь лежал на мостовой, очумело потирая запястье. – Не связывайся.

– Отпустите его, – попросил Ловкач.

Позади них раздался стон, и все обернулись. Беручи, выбитые Ловкачом из руки стражника, попали в голову графа. Один из шаров ударил его по спине между лопаток, а другой глубоко поранил щеку – теперь Сокольник стоял на коленях, сматывая с лица тонкую цепочку.

– Схватить его! – хрипел граф перекошенным от гнева и боли ртом. – В погреб!

Воришка, о котором все забыли пополз под фургон.

Стражники разом набросились на Ловкача.

Акробатика аксов хороша для боя, и, возможно, Ловкач смог бы справиться со всеми. Но от поредевшей толпы вдруг донеслись возгласы ужаса, и на площадь вступило чудовище-лягуш. Их так и называли – не лягушки, а именно лягуши, потому что они не относились ни к мужскому, ни к женскому полу. Немногочисленное племя лягушей жило в болотах

где-то очень далеко от Лаверикса, и здесь они были большой редкостью. Судя по расшитому камзолу, ворот которого оттопыривался на огромном даже для лягушей дыхательном пузыре, этот представитель редкого племени занимал немалый пост в городской страже. С лягушем и пятью стражниками не смог бы справиться даже Пак.

Пока его связывали и утаскивали с площади, Заноза стояла, не веря в происходящее. Потом, когда стало тихо, растерянно огляделась. Два из четырех освещавших площадь факелов уже погасли; тени выползли из-за стен покосившихся домов, из сточных канав и подворотен, спустились по перекатам крыш.

– Косой! – ахнула вдруг Кукса, но воришки уже не было на площади... здесь теперь вообще никого не было и стояла тишина, только из фургона доносилось приглушенное ворчание Бодаря.

Холодного ветер дунул на нее прямо из звездного неба.

– Погреба! Это что за погреба такие?

Она еще раз растерянно огляделась, затем подняла глаза. На башне главной городской площади часы показывали четверть первого.

Глава 2

Переделалась она очень быстро – на то, чтобы натянуть самую широкую из всех имеющихся в гардеробе юбок, надеть жакетку, обуть узкие кожаные полусапожки и повертеться перед мутным зеркалом, ушло всего пятнадцать минут. Еще минута понадобилась для того, чтобы воткнуть в волосы пять деревянных шпилек-"выручалок". Когда-то их было двенадцать, но семь штук она истратила в разных сложных обстоятельствах за последний год.

Темно-зеленая косынка отыскалась в углу сундука, и Заноза затянула ее концы на затылке тугим узлом. Потом обвязала талию очень длинным и тонким пружинным шнуром.

В фургоне было полутемно и душно. Старый Бодарь лежал в своем гамаке, покуривая трубку и меланхолично наблюдая за мечущейся Занозой. Он тоже был аксом, но лишь наполовину – "полукровкой".

– Куда идешь? – наконец удосужился поинтересоваться старик, лениво переворачиваясь на другой бок и окидывая взглядом любовно расставленные на специальной стойке у стены короткие изогнутые клюшки и желтые костяные шарики с изображением солнца.

– Ты что, не понял? Ловкача замели! – пискнула Кукса, пренебрежительно поглядывая на стойку. Бодарь слыл большим любителем старинной игры "крокет". В Галактоне крокетом называлась такая игра, когда нужно было клюшками бить по шарам и сбивать поставленные вертикально деревянные фигурки вроде тех, что используются в городках. Играли обычно на ровных травяных полянках. У каждого игрока было определенное количество шариков, а удары наносились строго по очереди. Выигрывал тот, кто за кто сбил больше фигур. Почему-то в этой игре участвовали всегда только мужчины.

– Здоровущий лягуш куда-то утащил его! Пойду вытаскивать. Что-нибудь знаешь о городе? Что это за "погреба"?

Бодарь пожал плечами.

– Лучше не иди. Все уладится само собой.

Кукса пренебрежительно глянула на него и повернулась к двери.

– Лагуна, – произнес Бодарь. – Она, кажется, тутошняя ведьма.

– Причем здесь ведьма? Его забрали стражники графа Сокольника. Ты сам рассказывал о нем.

– А, этот мерзавец... – Старик зевнул. – Не забудь амулет.

– Да кому он нужен! – Заноза все же вернулась, взяла со стойки один из крокетных шариков и сунула его в нагрудный кармашек жакетки. На пороге она оглянулась.

– Ладно, погуляй. Я с фургоном буду ждать на окраине города. – Бодарь смотрел на нее, вопросительно прищулив глаза.

– Сама справлюсь! – заявила ему Кукса.

Снаружи она быстро сориентировалась и скорым шагом пошла в северном направлении, прочь от центра Лаверикса. План действий был простой и ясный – у Куксы Плямы вообще все всегда было просто и ясно, до сих пор плавное, без водоворотов и омутов, течение ее жизни нарушала лишь неразделенная любовь к Ловкачу.

Она прошла два квартала, внимательно глядя по сторонам. В городе стояла настороженная тишина, ни одного прохожего видно не было.

Дома становились все обветшалее, а мостовые все грязнее. Ближе к центру их освещали огни газовых фонарей, но на окраине было уже совсем темно, только владычица ночи, Госпожа-Луна посылала с небес холодный скупой свет. Миновав еще одну улицу, Заноза увидела в дальнем конце глухого тупика красноватые отблески и услышала приглушенные голоса. Она кивнула сама себе и свернула туда.

Вокруг небольшого костерка расположился целый выводок мальчишек возрастом от пяти до пятнадцати лет. Несколько беспризорников спало, остальные играли самодельными картами прямо на земле. Заслышав шаги, они опасливо оглянулись, но потом, разглядев ее, успокоились, хотя продолжали выглядеть удивленными.

– Приветик, – сказала Кукса, потом откашлялась и добавила деловым тоном: – Мне нужен Косой.

Самый рослый из компании медленно встал. В свете костра акса хорошо видела его рябое одутловатое лицо.

– Косой – это кто? – хрипло спросил он. – Ты сама кто такая?

Не обратив внимания на второй вопрос, Заноза сообщила:

– Он такой маленький, лицо сморщенное, будто у старичка. А с виду лет, сколько и тебе, Дылда. Где он?

Несколько других беспризорников встали справа и слева от Занозы, и она чуть отодвинулась, чтобы не выпускать их из поля зрения.

– Правильно, – согласился длинный. – Есть такой. А кто его ищет?

– Я его ищу, – Кукса была сама серьезность. – Где?..

Вместо ответа он внимательно оглядел ночную гостью. Акса была одета вовсе не богато, но в сравнении с их обносками ее наряд выглядел по-королевски.

– Какая ты маленькая, – прохрипел длинный, всюду пытаясь выглядеть взрослым мужчиной. – Чего это ты ходишь тут одна?

Кукса отодвинулась еще на полшага. Слева от длинного появилась другой мальчишка – пониже и поплотнее.

– Чё ты с ней вообще разговариваешь? – спросил он, неприятно улыбаясь.

Заноза решила, что пора заканчивать разговоры, вытащила из волос шпильку, вонзила ее в запястье Дылды, потом ударила его же кулачком по носу.

А потом взялась за дело всерьез.

* * *

Через полчаса тупик с костром и беспризорниками остался далеко позади. Дылда сипел и бранился, но сделать ничего не мог. Заноза держала его, вывернув руку за спину и крепко ухватив за волосы. Он в результате семенил ногами, согнувшись в три погибели, почти доставая лбом до мостовой.

– Налево, – сипел он. – Теперь прямо...

Применив всего пару убеждающих приемов, Заноза узнала у Дылды, что Косого на самом деле звали Бобриком, и что он имел привычку ночевать в подворотне одного из городских трактиров, старая хозяйка которого вроде как благоволила к нему и даже иногда подкармливала объедками.

Понукаемый Куксой, Дылда довел ее до этого трактира, и тут сделал попытку вывернуться, а когда ему это не удалось, захрипел и, поджав ноги, свалился на мостовую.

– Больше не пойду, – прохныкал он, трясая головой и размазывая по лицу слезы. – Что хошь со мной делай, не пойду!

Кукса оттолкнула его и двинулась дальше. В арке, ведущей ко внутреннему двору трактира, было полутемно и пахло кошками. Под стеной, рядом со сточной канавой лежала куча какого-то тряпья. Заноза встала, оглядываясь. Вроде бы, тут никого не было... и тут под ее ногами что-то вскочило и бросилось прочь. Кукса подставила ему ножку, и только после этого поняла, что у сточной канавы лежала не куча тряпья.

Бобрик упал и тут же попытался вскочить, но Кукса уже сидела на нем верхом.

– Кто это? – испуганно проблеял мальчишка. – Я не хотел! Отпустите!

– Лежи смирно! – приказал Кукса и медленно встала. Бобрик повернулся уставился на нее снизу вверх. Даже в полутьме было видно, как ему досталось сегодня – под обоими глазами расплывались синяки а уши так распухли, что напоминали лепешки.

– Ну ты и красавец! – заметила Кукса. – Что такое "погреба"?

– Так это ты?! – Мальчишка заелозил и попытался вывернуться.

Плохо бить побитых, решила Заноза, наклонилась и несильно хлопнула ладонью по распухшему уху.

– Ай! – завопил он. – Чего ты?!

– Слушай, – приказала Кукса. – И отвечай по порядку. Что такое "погреба"?

– Развалины под дворцом, – захныкал Бобрик. – Развалины Старого Города... Там у Мармадука темницы.

– Так... – Кукса во всем любила порядок, и потому стала задавать вопросы по очереди:

– Что такое "старый город"?

– Ты не знаешь? – удивился Бобрик. – Наши предки жили под землей, потому что прятались от горных драконов. Но потом драконов всех извели, а сверху упал Чертов Наперсток, проломил пещеры... вот мы и переселились на поверхность. А развалины остались.

– Значит, внизу, пещеры? – Кукса ткнула пальцем в мостовую.

– Конечно.

– И их называют "погребами"?

– Да.

– И в них есть тюрьма, где спрятали Ловкача?

– Какого Ловкача?

– Неважно. Кто такой Мармадук?

Но Бобрик отказался отвечать на последний вопрос – одно лишь упоминание этого имени очень испугало его. Кукса смогла выяснить только, что входов в пещеры немного и ближайших находится неподалеку от королевского дворца.

Она скрутила мальчишку тем же манером, что и Дылду, и выволокла его из подворотни.

В школе аксов ее научили определять время по звездам в любую пору года. Стояла середина лета и, судя по небу, было уже примерно пол второго ночи.

Глава 3

Они сидели рядом, как добрые друзья, но даже не делали вида, что любят друг друга.

Создавая графа Сокольника, творец вовсю использовал лекало и циркуль, но линейку – ни разу. Волнистые линии и кривые преобладали в фигуре графа: грудь вогнута, животик наоборот, щеки и глаза запали, лоб выпуклый, плечи покатые, ноги кривые, нос крючком, брови дугами, а белые, редкие, словно приклеенные к голове столярным клеем волосы состоят из мелких завитушек. Человек с такой внешностью не может быть кем-то средним, он просто обязан являть собою либо милейшего добряка, либо отъявленного мерзавца.

Добряком Сокольник не был.

Сидящий напротив него колдун Мармадук не представлял из себя такой колоритной личности, как граф. Просто толстый пятидесятилетний мужчина с вечно красными от недосыпания и ядовитых магических испарений глазами. Осознавая всю неприглядность своей внешности, он всегда носил цветастую одежду, в которой было много кружев, лент, шнурков и бантов. Одна мало заметная, но интересная деталь присутствовала в его облике: если смотреть чуть в сторону от Мармадука, то его фигура представлялась окутанной бледно-голубым маревом, словно запеленутой в сгусток тумана.

Дрожащей рукой он поднес ко рту бокал с вином и искоса глянул на графа. Огонь, горевший в камине, был единственным источником освещения в комнате, находившейся на втором подземном этаже королевского дворца Лаверикса. Окна здесь отсутствовали, и лишь одна неприметная узкая дверь возле камина вела наружу – комната считалась потайной.

– Надо что-то делать, надо! – в который раз с чувством сказал Мармадук (у него была привычка дважды повторять отдельные слова). – Народ может, может выйти из повиновения.

Граф Сокольник скривил рот и произнес с насмешкой:

– А я, между прочим, уже нашел выход из положения. Кого горожане не любят?

– Всех, – не задумываясь, ответил колдун.

– Не поспоришь. Но кого они особенно не любят?

– Нас.

– И это верно. А кого еще?

Наступила пауза, во время которой собеседники обменялись искренними ненавидящими взглядами.

– “Чтоб ты лопнул, – подумал Мармадук, – со своими загадками!”

– “Какой же ты тупой, – подумал Сокольник. – Чтоб ты провалился!”

– Кого же еще? – наконец спросил колдун.

– Аксов. Лично я всегда считал непонятной эту неприязнь простого люда к иностранцам, я сам с детства хорошо отношусь ко всем, кроме, конечно, горцев, островитян, женщин, детей и некоторых других, но кого на этом свете интересует частное мнение скромного графа?

– Ох-ох, тоже мне, скромник! – Придворный колдун Лаверикса хрипом закашлял и пролил вино на свой камзол. – Перед Лагуной надо было лицемерить, передо мной – нечего!

– Как там, кстати, она? – поинтересовался граф.

– В это время суток ведьмы особенно сильны. Пришлось включить волшебное ложе. Спит, наверняка спит.

– Не мешало бы пойти проверить. Меня всегда интересовало, как это вы смогли подчинить себе волшебное ложе, как вообще исхитрились что-либо понять в Чертовом Наперстке? Ваших скудных силенок явно не хватило бы на это.

– Мои силенки не скуднее ваших, – с достоинством возразил колдун. – А в том деле мне помог Желтый.

– Желтый? – поразился граф. – Но он был крупнейшим магом Галактона! Легендарная личность! Не хотите же вы сказать, что дружили с Желтым? Интересно, что с ним сейчас?

– Дружил – вряд ли. Иногда оказывал кое-какие услуги, а он в ответ помогал мне... И я понятия не имею, что он поделявает сейчас, покинув монастырь. Он всегда был ленив, да и самолюбие у него было совсем слабое, да, слабое. В один прекрасный день он просто взял и исчез, сбежал из того монастыря... мы искали его, но не нашли даже следов... – Мармадук поднял голову и вдруг заорал на графа. – Зачем, скажите на милость, вам понадобились мои гончие?!

Некоторое время назад граф Сокольник и колдун заключили пари. Понятно было, что после того, как старый король Лаверикса выпьет отравленное молоко, колдуну придется вступить в схватку с охраняющей короля ведьмой. Мармадук утверждал, что справиться с Лагуной за минуту, а граф – что это отнимет больше времени. Колдун спорил на одно из своих заклинаний под названием Гончие, а граф – на свой загородный дом.

– Пари выиграл я, – произнес Сокольник, – Как вы смее высказывать какие-то претензии?

– Загородное имение, которое можно использовать для всяких темных дел – это хорошо... – плаксиво протянул Мармадук. – Ему найдет применение любой, да, любой. Но зачем обычному человеку, тем более, такому скучному типу, как вы – колдовские гончие? Вам более к лицу стилеты, розги и отравленные дроты. У меня были гончие – замечательные злобные твари, а что же теперь? – патетически спросил он и сам себе ответил: – А теперь прекрасных злобных гончих меня нет! О, я просто сосуд скорби и всяческих болячек!.. – Мармадук грустно высморкался в рукав.

Сокольник с презрением наблюдал за ним.

– До чего же вы мерзки, – произнес он наконец.

– Мерзкий? – воскликнул колдун. – Вот, я сижу тут перед вами, вот я сижу – пожилой, уставший человек. Мои почки и печень отравлены испарениями, кожа изъедена химикатами, я близорук, у меня насморк, больной желудок, искривление позвоночника и, самое главное, я катастрофически лысею, потому что большую часть своей неудавшейся жизни я провел в лабораториях, смешивая и изготавливая магические вещества и яды... Мы отравили короля, безвинного, хорошего человека, заточили в темницу обожавшую его няньку-ведьму, впутались в авантюру, из которой, возможно, не выпутаемся... и все же я доволен. И знаете, почему? Потому, что меня из-за всего этого мучает совесть, а вас – нет! Значит вы – еще больший негодяй, чем я!

Граф Сокольник широко зевнул.

– Не лицемерьте. Ничего вас не мучает, кроме страха, что наш заговор раскроют. Хотя теперь раскрывать его некому. У нас остались только одни противники, эти заговорщики. Но они слабы, мы с ними сможем разобраться. Да, кстати. Надо решить еще одно дело. Горожане любили старого короля и вряд ли удастся обмануть всех, рассказав, что его отравил кто-то из жителей Лаверикса. Но аксов в городе не любят. Сегодня моя охрана арестовала одного мальчишку. Мы скажем, что он – шпион, специально подосланный, чтобы отравить короля.

– Потом не оберешься проблем с аксами... – проворчал колдун и, подумав, добавил: – Не оберешься проблем.

– Этот акс всего лишь какой-то мелкий цирковой актеришка. Хотя дерется, как и все они, надо признать, отменно... понадобился лягуш, чтобы унять его.

– Где этот мальчишка сейчас?

– В погребах, естественно. Пойдемте, взглянем, как там Лагуна, а заодно и на акса поглядим.

Они поднялись, и граф сунул в карман небольшой, туго перехваченный у горловины и запечатанный коричневым сургучным клеймом холщовый мешочек – выигранных с споре с колдуном волшебных гончих.

* * *

Темное время для темных дел – и не только Мармадук с Сокольников держали в этот час ночи военный совет. Недалеко от главной городской площади в полуподвальном этаже неприметного дома за наглухо закрытыми дубовыми ставнями собрались трое. Это были те самые упомянутые графом заговорщики. Один из них, старый ростовщик Нилсон, был хозяином этого дома, двое других, носящие имена Боден Дэвидсон и Жур Харлик, пришли только что. Они и не подозревали, что граф с колдуном давно знают о них.

– Это уже никуда не годится, – заявил Нилсон, когда все трое расселись за круглым столом, посередине которого в глиняном блюде тускло горела дешевая свечка. – Теперь их люди арестовали какого-то акса. А как вы думаете, зачем?

В дворцовых интригах лучше всего разбирался Жур Харлик, занимавший когда-то должность начальника королевской стражи, которую теперь отдали чудовищному лягушу по имени Топ-Ганка.

– Тут все просто, – отвечал он. – Сокольников нужно обвинить кого-то в убийстве короля. Аксов не любят...

– Но это же очень плохо! – Нилсон озабоченно поерзал на стуле. – Мы рассчитывали, что Сокольников с Мармадуком не на кого будет свалить вину за отравление... а теперь им таки есть на кого свалить эту вину! Мы должны действовать, и действовать немедленно... А что вы думаете по этому поводу, Дэвидсон?

Боден Дэвидсон, носивший громкий титул Убийца Дюжины Драконов и Спаситель Одиннадцати Принцесс, сейчас тоже находящийся в опале. Раньше в списках, ежегодно распространяемых Гильдией Золотого Меча, он всегда попадал в первую тройку лучших рыцарей Галактона, а теперь, зажимаемый графом, отказавшемся выдать из королевской казны сумму, необходимую для покупки очередного комплекта доспех, не попал даже в первую десятку. Рыцарь грозно нахмурил густые черные брови и тяжело призадумался. Дэвидсон хорошо умел драться, а вот разговаривать – не очень, и через минуту напряженных размышлений он прорычал:

– Меч мне! Отсеку Сокольников башку совсем!

Нилсон возразил:

– Но большую проблему составляет Мармадук. Он неоднократно брал у меня взаймы под свои колдовские эксперименты, а теперь, воспользовавшись обретенным положением во дворце, отказывается расплатиться! Как председатель гильдии ростовщиков Лаверикса я...

– Да подождите вы со своими процентами! – перебил Жур Харлик. – Нам надо решить...

– Он говорит "подождите с процентами"! – возмутился хозяин. – Ай, молодой человек, не морочьте мне голову... Проценты не могут ждать!

– У вас тут есть, чем утолить жажду? – спросил бывший начальник дворцовой стражи.

– Пить! – хрипло подтвердил Дэвидсон. – И есть!

– Они говорят "пить и кушать"! – Нилсон патетически всплеснул руками. – Я бедный старик... э... старик, у которого обманом вытянули почти все накопленные за долгие годы кропотливого ростовщичества сбережения, я гол, бос, нищ и, э... сед... – Он похлопал по голове, увенчанной длинными, подкрашенными черной косметической смолой, завитушками. – Я практически лишен средств к существованию, а они говорят про пить и кушать... сырая вода и сухарики устроят вас? – Произнеся эту тираду, Нилсон почувствовал, как что-то жжет ему пятки, и опустил взгляд. В полу, как раз на том месте, где сейчас прибывали обутые в подран-

ные тапочки ступни Нилсона, имели место совсем неприметные щели маленького люка, под которым находился тайник, доверху забитый золотыми слитками. На сумму, которую они стоили, можно было приобрести примерно два с половиной таких города-государства, как Лаверикс. Ростовщик кашлянул и отвел взгляд.

– Когда народ увидит казнь акса, все будет кончено, – сказал Жур Харлик. – Люди взбудоражены и жаждут крови. Они получают кровь – и успокоятся. Мы должны действовать до казни.

– Как действовать? – уточнил хозяин.

– Штурмовать дворец. Дэвидсон должен торжественно, при стечении народа, заколоть графа. Тогда нам поверят.

– А колдун?

– Точно пока не могу сказать. Что сейчас с Лагуной?

– Насколько я могу судить, Мармадук заключил ее в волшебное ложе. Эта такая непонятная... вещь, находящаяся в Наперстке. Она погружает в глубокий синий сон.

– Щит! Меч! – опять хрипло высказался Боден Дэвидсон.

– Правильно, – подвел итог Харлик. – В поединке с графом наш славный Эд должен выглядеть как положено. Вам, Нилсон, придется сегодня утром потратиться на новые доспехи для него. Я созову верных сторонников. Скоро мы нападём на дворец.

Глава 4

Полуразрушенные ворота, через которые можно было попасть в подземный город, никто не охранял. Между двумя покосившимися колоннами зиял глубокий темный провал, из которого вверх поднималась мерцающая алая дымка.

Кукса Пляма отпустила Бобрика, который сразу же присел на корточки и принялся растирать плечо.

– Сначала я хотела притащить тебя к Сокольнику и обменять на Ловкача, – произнесла она. – Но теперь передумала. Все равно толку не будет, граф не согласится обменять вас.

– Кто такой этот ловкач? – прохныкал Бобрик.

– Для тебя – Пак Ловкач! – отрезала Заноза. – Он, между прочим, спас тебя от стражников.

– Так это тот! – ойкнул мальчишка. – Ух ты, здоровый!

Кукса развернулась и дала ему подзатыльник.

– Чего ты?! – заскулил Бобрик.

Пока она тащила его, Бобрик пару раз пытался сбежать, а однажды даже подрался с ней, но быстро отказался от своих намерений, уяснив, что с Занозой ему не сладить.

– Говори, где точно эти темницы, – приказал она. – И кто их охраняет?

– Да откуда я знаю? В тюрьму, которая в подвалах королевского дворца, можно попасть, и можно выйти. Но из темниц не выходят. Хотя, мне рассказывали, что они в северной стороне, под речкой...

– А что это светится?

– Ну ты и глупая. Это ж гномья перхоть, плесень такая. Она питается человеками и светится в темноте.

– Кем питается? – не поняла Заноза.

– Людьми. Если кто-то, к примеру, заснет там, внизу, где-нибудь на земле, то она полезет на него и за ночь съест. Только кости остаются, и те блестящие, совсем объеденные. Поэтому там никто и не живет.

– Ну и ладно, – подумав, произнесла Кукса. – Я, конечно, немного боюсь, но Ловкача все равно надо спасать. Все, Бобрик, пока... – Она решительно развернулась к белеющим во тьме колоннам.

– Стой! – крикнул сзади мальчишка. – Ты чё, собираешься туда одна?

Не ответив, Кукса миновала ворота и стала спускаться по узким, покрытым мхом ступеням. Вскоре стало прохладней и мерцающая муть гномьей перхоти вытеснила бледный свет Госпожи-Луны. Лестница закончилась небольшим коридором. Кукса пересекла его, миновала крутой поворот... и резко встала, потому что дальше пола не было.

У ее ног простиралась бездна.

Заноза замерла, недоуменно разглядывая гигантский провал. Дальний его край просто не был виден – тьма скрывала его. Все-таки “бездна”, неподходящее слово, решила акса, “очень глубокая расщелина” будет точнее. Интересно, сколько здесь локтей? – подумала она, заглядывая вниз.

Дно, как и дальний край, просто отсутствовало, хотя, судя по всему, расстояние до него равнялось примерно миле...

И вся эта миля была заполнена руинами. Дома – но не такие, как в Лавериксе и других виденных Плямой городах – а многоэтажные, высоченные и очень покосившиеся, возвышались без всякого порядка и плана. На их крышах, некоторые из которых были буквально возле ног Занозы, а некоторые – далеко внизу, зияли дыры. Этажи разных строений соединялись друг с другом висячими мостками и лестницами. Все подземное пространство было до краев

наполнено тусклым алым свечением, волны которого поднимались от гномьей перхоти, приклеившейся к стенам и крышам.

Позади нее что-то хрустнуло, она стала оборачиваться, и ее пятка соскользнула с края – Заноза почти потеряла равновесие, но мальчишка успел схватить ее за руку и дернул на себя.

– Ты что здесь делаешь? – рывкнула Кукса, переводя дух.

– Решил помочь тебе, – смущенно ответил Бобрик. – Такой как ты, малявке, не выйти из погребов в одиночку.

– Да, я пока что малявка, – подтвердила Кукса, старавшаяся во всем сохранять справедливость. – Но и от тебя помощи не будет.

– Да? А как ты будешь спускаться вниз? – ехидно поинтересовался он.

Вместо ответа Кукса смотала с пояса пружинный шнурок. На одном его конце была петля, на другом – довольно сложное металлическое устройство, нечто среднее между альпинистским карабином, трехпалой "кошкой" и маленьким гарпуном. Набор вручался юношам и девушкам аксам по достижению "первого совершеннолетия" – у их племени оно происходило в семь лет. Она отыскала в полу подходящую щель между камнями, примерилась и глубоко всадила в нее загнутые острия. Потом накинула на себя петлю, затянула ее под мышками и сказала Бобрику:

– Иди обратно.

– Что ты собираешься делать? – испуганно крикнул он, но Заноза, не ответив, шагнула вперед и прыгнула.

* * *

В мрачном сумраке тонкий, вертикально натянутый шнур был почти не различим. Кукса стянула с себя петлю и посмотрела вверх. Потолок пещеры напоминал низкое каменное небо, а стены казались отсюда склонами скал, которые подпирали это небо тупыми вершинами, обступив со всех сторон Старый Город... руины Старого Города, мысленно поправила она. Над всей округой властвовал алый сумрак гномьей перхоти.

“В северной стороне, под речкой...” – у школе юных аксов ее научили определять стороны света и теперь, задействовав "внутренний компас", она несколько секунд прислушивалась к своим ощущениям, а затем, когда незримая магнитная стрелка в ее голове повернулась и указала нужное направление, двинулась вперед.

Через провал в крыше Кукса попала на верхнюю площадку длиннющей винтовой лестницы, по которой и стала спускаться, что-то немелодично напевая себе под нос.

Гномья перхоть была везде. Она покрывала все поверхности бугристым меховым ковром, по которому то и дело пробегали алые волны холодного свечения. Казалось, что там протекает какая-то скрытная жизнь – по ковру что-то двигалось, тени, словно отбрасываемые микроскопическими созданиями, шевелились и корчились. Аксе мерещилось, что до нее доносится очень тихий гул.

Так никого и не встретив, она вышла из здания через пролом в стене. Открывшаяся взору Занозы улица была темна, пустынна. На пути аксы встречались пока что исключительно провалы, ямы, груды мусора да какие-то покореженные металлические конструкции неизвестного предназначения.

Она шла, окруженная облаком алого свечения, слыша только тихие звуки, издаваемые нереальными обитателями гномьей перхоти.

Потом ей показалось, что спереди доносится писк.

Кукса пригляделась. Впереди, за кучей каменных обломков, что-то шевелилось, а затем показались крысы.

Заноза быстро огляделась, увидела неподалеку узкий высокий столб и подскочила к нему. Она быстро взобралась почти на самую верхушку столба и оттуда стала наблюдать за бегу-

щими внизу крысами. Они показались ей какими-то неправильными – во-первых, чересчур большими для обычных грызунов, во-вторых, с изумрудными мерцающими глазами. Сплошной поток грызунов занял всю улицы, некоторые, особенно резвые, обгоняли других, вспрыгивая на стены и пробегая по ним какое-то расстояние, а потом соскальзывая обратно. Писк стоял неимоверный.

Она подняла голову, разглядывая стальную трубу-коридор, тянувшуюся над улицей ненамного выше верхушки столба. Теоретически, можно было бы залезть на нее и продолжать путь уже по внешней поверхности трубы, но Заноза решила, что вскоре и так сможет двигаться дальше. Почему-то вдруг вспомнилось: крысы бегут с тонущего корабля. Интересно, откуда тут взяться кораблю?

Минуту спустя, когда последние крысы скрылись из виду, Заноза прыгнула вниз и продолжила путь, ощущая, что к острому духу гномьей перхоти добавился теперь еще и противный запах грызунов.

Через некоторое время эхо ее шагов стало более громким и протяжным. Дома расступились, и улица закончилась высоким отверстием, началом аркады, прорубленной в толще каменной стены. Труба-коридор втягивалась в нее.

Кукса вошла внутрь и увидела, что здесь потолок стал ниже. Шагая ровно и уверенно, она в пять минут прошла аркаду, и, очутившись с другой стороны, поняла, что почти пришла.

Труба-коридор здесь тоже заканчивалась, от нее к земле свисала веревочная лестница. Перед Куксой возвышался Чертов Наперсток, и ничего страннее этой штуки она не видывала в своей жизни. В мертвой подземной тишине слышалось лишь сопение двух охранников Наперстка. Оба не были обычными людьми.

У Куксы было мало опыта в общении со всякими не похожими на людей созданиями, но она решила, что справится и без опыта.

Эта парочка представляла собой, на ее взгляд, особенно мерзопакостные разновидности – дриггла и селькупа. Занозе пока не приходилось далеко уезжать из этих мест. Но один из старых аксов рассказывал на уроке истории, о том, что государства под названием Панторе и Кульку, которые находятся гораздо южнее и отличаются очень жарким климатом, являются основными поставщиками глупых наемников, готовых за гроши выполнять какую угодно грязную работу.

Вид охранников мог навести оторопь и на взрослого, но Занозу их внешность совсем не волновала.

Она решительно направилась вперед, продолжая разглядывать громаду Наперстка. Для описания этого сооружения у Куксы не находилось слов, она уже поняла, что позже, вспоминая о нем, сможет сказать лишь то, что Наперсток, это что-то большое и непонятное.

Приподняв широкополую соломенную шляпу, селькуп проревел:

– Куда?.. – и когтистой, покрытой чешуей лапой достал наваху.

– Заткнись, балбес, – ответила Кукса Пляма, выжывая из волос шпильку.

* * *

– Далеко еще? – брюзгливо осведомился Сокольник, который широко вышагивал чуть позади мелко семенящего Мармадук и периодически отмахивался от призрачных ключев тумана, остающихся позади колдуна. – Почему мы не преодолели весь путь по поверхности?

– Трястись в карете – это нехорошо, – отвечивал колдун. – Идти по гладкой, красивой, железной трубе – это приятно, приятно...

– Вот недоразвитое создание! – заметил граф, окидывая взглядом серебристые плиты стен. – Откуда, кстати, взялся коридор?

– Это – рукав, протянувшийся от Наперстка, – откликнулся колдун. – Когда-то он был сплошной, но из-за недавнего землетрясения небольшая часть возле Наперстка провалилась. Там нам придется спуститься и пройти по земле.

– Да, но далеко еще...

– Мы уже пришли, – отрезал Мармадук. – Вы же были здесь, когда доставили акса – были! Почему теперь спрашиваете?

– Я был здесь? Да ни в жизнь! Я поручил отвести его сюда стражникам.

Коридор закончился неожиданно, и они остановились, глядя вниз на...

– Перевернутое ведро, вот что это мне больше всего напоминает, – пробормотал граф и, подумав, добавил: – Здоровенное ведро... А где же ваша охрана?

– Охрана! – ахнул Мармадук. – Дризгл и селькуп, ах! – Он судорожно закашлялся. – Что с ними, куда они подевались?!

Они поспешно спустились по веревочной лестнице – у колдуна, мучимого всеми мыслимыми и немыслимыми хворями, тут же закружилась голова – и встали возле входа. Колдун недоуменно огляделся и проворчал:

– Ничего не понимаю? Куда же они подевались?

– Так! – Сокольника задумался. – А что если это... ну, неужели сюда проникла... Мармадук, вы готовы к бою?

– Всегда готов, – ответил колдун.

– Это хорошо. А я захватил гончих. Вполне возможно, что теперь они нам пригодятся... Который час?

Мармадук извлек из кармана роскошные золотые часы, щелкнул крышкой и сказал:

– Три часа ночи.

Глава 5

Пак Ловкач иногда болтал вслух сам с собой и Кукса с недавних пор тоже обзавелась этой привычкой.

– Откуда же это могло взяться? – бормотала она, медленно обходя круглый зал с темными окошками и какой-то странной тумбочкой неправильной формы, стоящей в центре. – Это появилось откуда-то очень издалека...

Поверхность тумбочки была усеяна множеством стекляшек и кругляшек, но магия этого места уже давно не действовала. Логичнее всего было предположить, что акса попала в капище какого-то давным-давно позабытого бога, а тумбочка – алтарь.

За “алтарем” узкий коридор-серпантин круто уходил вверх. Она стала подниматься, сжимая в руке “выручалку”.

На втором этаже она решила, что ошиблась. Там, внизу, было не капище и не алтарь, всего лишь что-то вроде холла, который должен был подготовить гостя к дальнейшим чудесам. На самом деле капище располагалось здесь.

Вокруг широкой дыры тянулась круглая площадка с перильцами вдоль внутренней стороны. От портала, через который Кукса вступила на площадку, на другой ее стороне виднелись три отверстия. Из дыры, озаренной красным светом, доносился ровный гул. Заноза шагнула к перильцам и глянула вниз.

Казалось, что Чертов Наперсток врос в землю своей нижней частью – глубина круглой шахты, открывшейся взору Куксы, была никак не меньше сотни локтей. На самом дне вяло бурлила густая ярко-красная лужа какого-то раскаленного вещества. От металлических стен отходили подковообразные выступы, нижние части которых, серые и гладкие, напоминавшие графит, были погружены в лужу. Покрытые алыми пузырями волны лениво омывали их.

– Врата в Преисподнюю, – вслух произнесла Кукса Пляма. – Ничего удивительного...

Полюбовавшись на огненную лужу, она обошла площадку и заглянула в одно из отверстий.

На торчащей прямо из стены узкой полочке лежал Пак Ловкач.

В первое мгновение Кукса подумала, что он мертв, и вскрикнула от ужаса, но потом поняла: Ловкач просто дрыхнет, избрав, как обычно, самое неподходящее для сна время.

Заноза заколотила кулаками в полупрозрачную пленку, которая была натянута поперек отверстия. Пленка не поддавалась. Кукса попыталась всадить в нее шпильку, но выкованная кузнецами аксов из закаленного стального дерева “выручалка” неожиданно сломалась.

– Чертова досада! – Она расстроено топнула ногой и, кинувшись к другому отверстию, обнаружила, что там пленки нет.

Кукса вступила внутрь, бормоча: “Как я разозлилась! Из чертовой прорвы железа, которое ушло на этот Чертов Наперсток, можно выковать чертову гору оружия!”

Посреди комнаты (стены, пол и потолок которой действительно были исключительно железными) стоял гроб на колесиках... во всяком случае, так Куксе показалось в первый момент. У него были сглаженные очертания и прозрачная крышка, под которой на белоснежной простыне лежала древняя старуха.

– Лагуна, – решила Пляма. – Чью-нибудь голову могу дать на отсечение – это Лагуна. Местная дуреха-ведьма!

“Что местная, так это да, – прозвучал в ее голове хорошо поставленный, звучный голос. – А что дуреха – так нет.”

Заноза вытаращилась на стеклянную крышку. Ей показалось, что голова старухи чуть качнулась, а веки дрогнули, словно она пыталась открыть глаза.

– Это ведь называется телепатией? – вслух произнесла Заноза. – Ты слышишь мои мысли, а я твои? Как мне открыть соседнюю комнату?

“Только с моей помощью, мелочь пузатая. Наклонись!”

– Зачем это? – Заноза слегка отпрянула, по опыту зная, что от старых ведьм хорошего ожидать не приходится.

“Затем, что в ложе Морфа я беспомощна. К тому же я скоро отправлюсь в последнее путешествие к моей Лиловой Повелительнице. Хочу передать тебе накопленный опыт”.

Тело под прозрачной крышкой шевельнулось.

– Лиловая Повелительница? Это Госпожа-Луна, что ли? – скептически спросила Заноза.

“Луна повелевает всеми нами, – забубнил голос. – Ночью моя магия особенно сильна. Она будет постепенно слабеть и в полдень умрет. Надо успеть помешать мерзавцам захватить власть в Лавериксе”.

– Мерзавцы... Сокольник с этим колдуном... Мармадуком, да? Тут я согласна, они и вправду мерзавцы. Как-нибудь на досуге я бы занялась ими, но сейчас мне надо спасти Ловкача. Как порвать ту пленку?

“Они идут! – ахнула ведьма. – Наперсток сказал мне об этом! Поспешай, дряхлая кляча, быстрее, старая перечница!” – подбадривая саму себя этими словами, ведьма сильнее зашевелилась под крышкой... и вдруг с закрытыми глазами приподнялась на локтях и судорожно выгнулась.

“Как это Наперсток мог что-то сказать?” – хотела спросить Заноза, но не успела. В ушах раздался тонкий звон, а глаза заволокло туманом, в котором преобладали все оттенки лилового. Увидев, что прозрачная крышка гроба на колесиках пошло трещинами, Кукса по мимо своей воли наклонилась вперед, прижавшись носом к холодной поверхности. Лицо ведьмы надвинулось на нее, затмив все поле зрения.

Что-то лопнуло с беззвучным хлопком.

Кукса Пляма очутилась в *странной* комнате.

* * *

Основная странность заключалась в том, что комнаты как бы и не было. Заноза чувствовала стены, пол и потолок, но именно чувствовала, а не видела. Личность Лагуны, которая тоже присутствовала здесь, ощущалась в виде разреженного бледно-лилового облака, а сама Кукса была тучкой – маленькой и очень рассерженной. В углу несуществующей комнаты плавало еще одно облако, очень плотное, основательное, густо-лилового цвета. И абсолютно круглое.

“Повелительница! – произнесло облако-Лагуна. – Э-э, дочь сия несмышлена и нахальна есть, но позволь мне передать ей свой талант, хотя бы, гхм, на время, дабы врагам рода человеческого сопротивление оказать!”

Густо-лиловое облако что-то беззвучно подумало в ответ, но ее глас был чересчур силен, чересчур громок и всеобъемлющ, для того, чтобы Заноза смогла понять, что именно ОНО думает. Заноза уяснила только, что Луна дает свое соизволение. Потом ОНО вроде как стало думать потише и попроще, так что Кукса смогла расслышать обрывок фразы:

“...НЕБЕСНЫЙ ДОМ ПРЕСТАРЕЛЫХ ЖДЕТ ТЕБЯ...”

“Хорошо, – согласилась ведьма. – Давно мечтаю об отдыхе.”

“Ну вы, старые кошелки, немедленно выпускайте меня наружу! – влезла в разговор Заноза. – Мне дела нет до ваших...” – Она не договорила, потому что густое облако грозно нахмурившись, разросло, затмив собою всю несуществующую комнату, и *проникло внутрь Куксы Плямы*.

Ощущение было чрезвычайно неприятным, и Заноза заорала, но тут же смолкла, так как облако-Повелительница исчезло, оставив тучку-Занозу наедине с облаком-Лагуной.

Тут только Кукса поняла, что в странной комнате присутствует кое-кто еще. Госпожа-Луна и ведьма хоть и ощущались в виде каких-то неопределенных сгустков, но все же ничего принципиально нечеловеческого в них не было, а вот третий, обозначившийся вдруг в углу, оказался каким-то уж совсем чудным. Это был Ящик с Черными Стенками. Мысли, бродившие в нем, в основном сводились к одному: “ХОЧУ ДОМОЙ!!!” – беззвучно вопил Черный Ящик.

“Ну, успокойся, пупсик, – принялось уговаривать его облако-Лагуна. – Не волнуйся, лапочка... Скоро ты отправишься в дальнее-дальнее путешествие и встретишь своих близких...”

“Домой, Домой! – плаксиво ревел незнакомец. – К Папке с Мамкой хочу-у!!!”

“Он все время их вспоминает. Кажется, это главный конструктор со своей женой, тоже ученой барышней. Наперсток прилетел из другого мира через черный океан, в котором живет Лиловая Повелительница. Он нес в себе тамошних жителей, но произошла авария, и Наперсток свалился на Галактон. Те, кого он вез, совсем не такие, как мы, и не могли жить в нашей, э-э... в наших космологических условиях. И они создали для себя свою вселенную, где и поселились. Мы называем ее гномьей перхотью”... – непонятно бубнило облако-Лагуна тучке-Занозе.

“Это просто какой-то бред! – громко подумала Заноза. – Если ты немедленно меня не выпустишь, то я что-нибудь сейчас сделаю!”

“Да? А что же ты можешь сделать, милочка?”

Кукса потянулась к “выручалкам”, но потом решила, что они пока находятся вне досягаемости... а потом все-таки нашла их, правда, сильно изменившимися.

“На!” – подумала она и швырнула одну “выручалку” на манер дротика. Серую тишину странной комнаты распорол алый зигзаг молнии, которая с жужжанием впилась в бок облака.

“А-я-яй! Ты чего стреляешься?!” – заверещала ведьма, и, вторя ей, Черный Ящик плаксиво залопотал: “К Папке с Мамкой хочу! Отпустите меня, тетеньки! Вам же ничего не стоит повернуть рубильник!!!”

“Враги совсем близко! – прекратив верещать, ужаснулось вдруг облако. – В волшебном месте, где мы находимся, время идет медленнее, но они уже поднимаются... Сейчас я освобожу тебя. Ты должна будешь сразу же войти в третью комнату. Наперсток называет ее рубкой. Там есть красная, э-э... штука в виде буквы “П”. Поверни ее. Мармадук давно мог дать Наперстку свободу, но не хотел отпускать его. Ложе Морфа – здесь таких много. В них жители того мира спали во время долгого путешествия.”

“Не собираюсь я поворачивать никаких красных штук, – возразила Заноза. – Как мне...”

“К своему красавцу ты все равно не попадешь, пока не, э-э... как это называется, пупсик?”

“Пока она не включит устройство взлета, я не сниму защитную мембрану с той каюты...” – заявил Наперсток.

“Я не хочу...” – начала было тучка-Кукса, но облако-ведьма перебило ее:

“Ну все, Повелительница зовет меня к себе. Пшла вон, наглая мелочь!”

Облако что-то сделало с окружающим Занозу волшебным пространством, раздался тучкораздирающий – но беззвучный – рев, потом началась тучкодробительная – но неосязаемая – дрожь...

Кукса Пляма, как пробка из бутылки шампанского, вылетела из странной комнаты.

* * *

Она увидела, что прозрачная крышка гроба на колесиках рассыпалась осколками. Лежащая лицом вверх старуха была неподвижна и, кажется, окончательно мертва.

Заноза отступила и помотала головой, приводя в порядок мысли. В голове что-то было не так – там появилось нечто новое.

Сзади послышался шум и громкий чих. Она оглянулась, шагнула к отверстию – и увидела, что по круглой площадке в ее сторону быстро идут два человека: граф Сокольник и еще один, незнакомый, разодетый в нелепые пестрые одежды.

Вход в ту комнату, где обретался Пак Ловкач, все еще прикрывала пленка, так что Заноза метнулась к другому отверстию и, низко нагнувшись, нырнула в него. По инерции она пробежала несколько шагов, а потом остановилась, ошарашено оглядываясь. Кажется, именно здесь находилось то, что Наперсток назвал “рубкой”.

“Вот почему крысы бежали, – еще успела подумать Заноза. – Действительно корабль. И крысы почувствовали, что пора давать деру.”

Лампочек и светильников, которые горели здесь, хватило бы для того, чтобы озарить небольшой город. Кукса удивленно присвистнула, обнаружив железный шкаф, вся поверхность которого была усеяна мерцающими квадратиками, какими-то циферблатами, стрелочками и пимпочками.

Из шкафа на высоте ее головы торчала красная П-образная рукоять.

На нее упали тени и Заноза обернулась. С двух сторон приближались Сокольник с кривым кинжалом и Пестрый.

“ДЗЕНН!” – сказал кинжал, высекая искры из стенки шкафа прямо над головой пригнувшейся Куksы.

– Ловите ее, Мармадук! – кричал граф, отскакивая и судорожно тряся рукой. – Это она убила ваших охранников!

– Очень опасно, очень... – чихая, бормотал колдун, пока Заноза прошмыгивала между его широко расставленных ног. – Акса, это вам не обычный человек, Сокольник!

Заноза вскочила и, пригнувшись, выглянула из-за чего-то, что напоминало стол, но, как и все остальное, было железным. Сокольник поднимал с пола погнутый кинжал, Пестрый стоял, растерянно моргая и медленно вытягивал из пояса длинную плетку.

– Слева, окружайте ее слева, Мармадук! – приказал граф, обходя железный стол справа. – И, чуть что, стреляйте.

Заноза запрыгнула на стол и промчалась по нему – но подальше от той стороны, где находился граф – на ходу вереща:

– Пестрый – ты не Пестрый! Ты – Синий, я тебя узнала!

Она добежала уже до края столешницы, когда граф, изловчившись, схватил ее за пятку. Заноза дернулась, выскочила из полусапога и повалилась вперед, дрыгая ногами. Впереди был железный шкаф, и она, выставив перед собою руки, вцепилась во что-то.

– Не трогай это!!! – заорал Мармадук, скидывая руку с плеткой. – Убью!

Заноза повисла, болтаясь над железным полом, об который только что чуть не расшиблась. То, за что она держалась, медленно опускалась под ее весом.

Синий замахнулся. Он был совсем рядом и не попасть не мог. Сбоку уже набегал граф. Штуковина, за которую держалась Заноза, опустилась до конца и щелкнула. Глухой гул раздался в помещении, огни забегали по поверхности шкафа. Синий ударил Куksу плеткой – и сзади Бобрик ударил камнем по голове Синего.

Глава 6

Кукса разжала пальцы, упала, ударившись коленями о пол, и граф вновь промахнулся: кривой кинжал во второй раз высек искру немного выше ее головы. Разноцветные огни, перемигивались на поверхности шкафа во все возрастающем темпе. Гул нарастал, в нем явственно слышались пронзительно-радостные нотки.

Мармадук зашатался, с удивлением приложив к затылку ладонь. Плетка выпала из его руки. Позади него Бобрик дал колдуну пинок под зад и побежал к аксе, которая, стоя на коленях и лихорадочно выуживая из волос шпильку, глядела на Сокольника снизу вверх расширенными глазами. Граф попытался схватить ее за волосы, но Заноза пригнулась, и в его руке осталась лишь темно-зеленая косынка.

Кукса ойкнула, когда Граф в третий раз занес над ней кинжал. Бобрик налетел на него сзади. Мармадук тем временем сделал два неверных шага, вращая глазами и щупая затылок.

“Вот славно!” – сказала в голове Занозы Лагуна.

Гул продолжал нарастать, пол под ногами задрожал – это внизу, в шахте с огненным озером, которую Кукса видела раньше, включался двигатель космического корабля. Кукса наконец смогла выпутать “выручалку” из волос и воткнула ее в колено Сокольника. Граф с воплем отскочил и сшиб Синего. Вдвоем они покатались по полу и исчезли в отверстии входа.

“Мы тут пообщались с Наперстком, – как ни в чем не бывало произнесла Лагуна в голове аксы. – Он извиняется, но говорит, что наконец улетает отсюда. Если не хотите отправиться в долгое путешествие вместе с ним, вам надо катапультироваться”.

“Прочь из моей головы, старуха!” – хотела крикнуть в ответ Заноза, но из стены позади нее выдвинулось кресло и сильно ткнуло под коленки, заставив присесть. От подлокотников отделились гибкие металлические ремни и обвили ее руки возле локтей, не давая подняться.

“Мальчик, садись! – громко подумала ведьма из головы Занозы. – Не то станешь яйцом всмятку”.

Бобрик потрясенно ойкнул, услышав голос, раздавшийся в его голове, но донесшийся из другой головы, и плюхнулся Куксе на колени.

– Слезь с меня, несчастье! – закричала Заноза. – Слезь, а то...

Больше ничего Кукса сказать не успела, потому что над ними что-то с шумом разъехалось, и уже знакомый запах гномьей перхоти ударил в ноздри. “Приятно было познакомиться, дети” – подумал откуда-то издалека Наперсток.

Кресло рванулось вверх со скоростью запущенного из катапульты снаряда. Бобрик душе-раздирающе закричал.

Кукса Пляма не закричала, но предпочла зажмурить глаза. В жизни она не переносила всего двух вещей: холодные яйца всмятку и большие ускорения, а тут ускорение было просто жутким. Ее замутило.

“По крайней мере, в данной ситуации я сделала все, что могла”, – решила Заноза и с чувством выполненного долга потеряла сознание.

* * *

Когда граф Сокольник открыл глаза, вокруг было тихо. Граф полежал немного, приходя в себя, приподнялся и обнаружил, что сжимает в руке сильно помятую темно-зеленую косынку. Сумрак, который раньше царил в подземном мире, исчез, и стало гораздо светлее. Посмотрев вверх, граф увидел, откуда взялось новое освещение: в потолке пещеры зиял пролом, такой большой, что краев его видно не было. Казалось, что теперь это не пещера, а просто обширное углубление в земле.

Где-то тихо капала вода, рядом кто-то постанывал. Сокольник огляделся. Возле него на каменном полу лежали Мармадук и парень-акс. Стоны издавал колдун – он лежал с закрытыми глазами и ощупывал затылок. Пак Ловкач пока не шевелился. У Сокольника болело все тело, но больше всего болело под левым глазом. Он коснулся этого места пальцем, охнул, пошарил по карманам и, найдя небольшое зеркальце, посмотрел в него.

– Ах ты! – запричитал он, обнаружив под глазом здоровенный синячище. – Всю красоту мне испортили!

Спрятав зеркальце, граф попытался встать и снова охнул, почувствовав жгучую боль в колене. Бросив косынку, Сокольник выдернул из колена деревянную шпильку, скрипя зубами, попробовал сломать ее, не смог и отбросил в сторону.

Пак Ловкач все еще не шевелился, зато Мармадук приподнял голову и взглянул на графа бессмысленным взглядом. Было видно, что колдун пока еще слабо представляет себе, что произошло и где он находится.

– Ну, по крайней мере, акс со мной! – пробормотал граф. – Надо покрепче связать его... – Покачав головой, он опять с изумлением покосился на пролом в потолке пещеры. Через этот пролом некоторое время назад, радостно взывая стартовыми сиренами и изрыгая из дюз струи реактивного пламени, в неведомые дали унесся Чертов Наперсток.

– Как вы, Мармадук? – окликнул граф колдуна. – Скажите на милость, ну что за вздорный человек! Ну что вы там лежите? – Мучительно скривившись, граф встал на колени... – Что, мне теперь тащить этого циркового мальчишку на своих благородных плечах, не предназначенных, между прочим, для тяжелого физического труда? Значит так, как только выберемся на поверхность, надо будет... – Сокольник начал загибать пальцы... – Во-первых, вызвать лягуша. Во-вторых, объявить о том, что отравитель старого короля найден, и что послезавтра его казнят. Да, и приказать подкрасить плаху! В-третьих... – Граф опять посмотрел вверх и увидел, что сквозь пролом в поднебесном мире виднеются кое-какие изменения. – Ого, долго же мы тут валялись. Нет, ну совершенно сумасшедшая девчонка!

Мармадук наконец уселся, взгляд его стал более осмысленным. Увидев лежащего рядом Пака Ловкача, он вздрогнул и стал рыться в своих карманах, словно выискивая там что-то, внезапно очень ему понадобившееся.

Сокольник между тем бормотал:

– Если только она осталась в живых... Ничего, у меня косынка с ее запахом... будет, чем натравить... Я немедленно... – Сокольник достал небольшой, туго перехваченный у горловины и запечатанный сургучным клеймом холщовый мешочек... – Немедленно спускаю гончих!

Мармадук тем временем нашел то, что искал – стеклянный пузырек. Открыв его, колдун поднес пузырек к носу Пака Ловкача, который как раз зашевелился. Графу показалось, что из пузырька начала выползать молочно-белая змейка, и он удивленно захлопал глазами. Оказалось, что это не змейка, а густой завиток дыма. Он втянулся в ноздри Ловкача, который громко вздохнул и после этого перестал шевелиться.

– Снотворный пар... – прохрипел Мармадук, закрывая и пряча в карман пузырек. – Теперь мальчишка два дня проспит и разбудить его будет невозможно.

Сокольник кивнул, рывком сорвал клеймо с холщового мешочка и тут же испуганно отбросил его подальше от себя. Они с колдуном одновременно вздрогнули, увидев, как мешочек, упав на камни, зашевелился и несколько раз подскочил в воздух, одновременно раздуваясь, увеличиваясь в размерах.

– Ух ты! – воскликнул Сокольник.

Одно за другим, из мешочка показалось пять вытянутых приземистых тел, обросших густыми бурыми волосами. Это было что-то среднее между крысой и собакой породы “такса” – пасти с острыми зубами, остроконечные уши, короткие хвосты и мощные кривые лапы.

– Какие милашки... – зачаровано пробормотал граф и бросил им косынку Куксы. Громко фыркая, гончие сгрудились вокруг нее, обнюхивая, потом одновременно вцепились зубами, разорвали на части и, повернувшись, стремительно умчались прочь.

– М-да, убежали... – задумчиво произнес Сокольник. – По запаху они точно найдут ее? Мармадук, постанывая и держась за поясицу, встал.

– Найдут, обязательно найдут. И растерзают на части. Ее и того мальчишку, который звезданул меня по голове. Что теперь будем делать, граф?

– Ну-ка, подтолкните его... – проворчал Сокольник, хватая Пака Ловкача за плечи.

С помощью колдуна он взвалил Ловкача себе на спину и, сгорбившись и шаркая ногами, медленно побрел в ту сторону, где была ведущая наверх лестница. Мармадук, охая, причитая и то и дело прикасаясь к своей пострадавшей голове, побрел за ним.

– Не доверяю я вашим гончим, – сказал граф. – Чепуха это все. Вы видели, как дерется девчонка? По традиции три дня после смерти короля казни в Лавериксе запрещены. Значит, акса можно будет казнить только послезавтра. А где его прятать все это время? Теперь, когда Погреба разрушены, где мне его спрятать, а?

– В нашем дворце есть прекрасные темницы... – возразил колдун.

– Какой же вы глупец, Мармадук! – поморщился граф. – Если она смогла проникнуть сюда, то сможет пробраться и туда. Нет, в городе его оставлять нельзя.

– Куда ж вы его спрячете?

Некоторое время Сокольник шел молча, раздумывая над этой проблемой, а потом остановился и сбросил Пака на каменный пол.

– Чего встали? – спросил колдун.

– Я устал, надо передохнуть.

Сокольник повел плечами и присел на корточки, рассматривая безмятежное лицо спящего акса.

– Ага! – воскликнул он вдруг. – Придумал! Лаверикс ведь стоит рядом с побережьем, правильно? А в океане недалеко от наших мест есть остров Лимбо. Вот туда мы его и отправим.

Граф опять взвалил Ловкача на спину и побрел дальше.

– Ну а если это... исчадие зла в юбке дознается, куда мы дели мальчишку, и попытается отбить его в дороге? – высказался свои соображения Мармадук.

– А мы отправим его под надежной охраной.

Мармадук покачал головой и сморщился, потирая затылок.

– Под какой охраной, граф? После смерти короля половина стражников сбежала. Их не хватает даже на то, чтобы охранять дворец. Да и вы ведь знаете про заговорщиков.

– Бывший начальник стражи Харлик, рыцарь Боден Дэвидсон и ростовщик Нилсон, – перечислил граф. – Конечно, мои шпионы следят за ними. Но эти заговорщики – настоящие шуты гороховые. Я никогда не воспринимал их всерьез.

– А все равно, если они нападут на дворец? Или вдруг горожане взбунтуются, когда мы объявим себя новыми повелителями Лаверикса? Нет-нет, сейчас нельзя оставлять замок без защиты.

То, что колдун сказал “когда мы объявим себя повелителями”, не укрылось от внимания Сокольника. Дело в том, что они пока еще не обсуждали, как собираются поделить власть. У каждого были свои планы на этот счет...

– Как вы мне надоели... Почему вы всегда со мной спорите? – проворчал граф. – Ну хорошо, хорошо, я еще подумаю, как решить эту проблему! Пока что надо добраться до дворца.

Они шли дальше, и вскоре впереди показалась каменная лестница, по которой можно было подняться на поверхность. Тени, которыми, как серым лоскутным одеялом был накрыт весь подземный город, постепенно рассеивались – начинался рассвет.

Часть вторая

На ярком солнце

Глава 1

Как всегда с приходом утра магия Госпожи-Луны слабела. Круглый, розовощекий и хорошо выпавшийся за ночь Князь-Солнце показался над горизонтом, взглянул на город Лаверикс и увидел, что за ночь тот довольно сильно изменился. На краю города теперь зиял огромный провал. Горожане, разбуженные грохотом и надсадным воем взлетевшего Наперстка, потихоньку выбирались на улицы и терли глаза, пытаясь понять, что произошло. Самые смекалистые сразу же возвращались обратно и начинали быстренько собирать вещи.

* * *

Еще не успев толком прийти в себя, Заноза поняла, что ее голова пребывает на чьих-то коленях. Глаза распахнулись сами собой, и она увидела лицо склонившегося над ней Бобрика. Кукса резко села и, не обращая внимания на легкое головокружение, рывком повернулась к воришке. Некоторое время они глядели друг на друга, а потом Бобрик потупил взгляд.

– Ты это... – начала Кукса и запнулась. – Зачем пошел за мной?

Бобрик хрипло вздохнул.

– Кажись, я в тебя влюбился, – констатировал он и вытер рукавом нос. – Нашел в кого...

– Что значит, “нашел в кого”? – возмутилась Кукса, услышав такое излияние в чувствах.

– Ты ж акса... да еще и циркачка. Раз – и нет тебя...

– Это так, – вынуждена была согласиться она. – А потому попробуй перебороть себя. По опыту знаю, что это трудно, но мое сердце отдано другому... – С этими словами Заноза решительно встала и огляделась.

Они находились на той же самой каменной полке, с которой начиналось путешествие в погреб. Кресло, забросившее их сюда, лежало под стеной, перевернутое. Теперь здесь было гораздо светлее: сверху зияла огромная прореха, через которую внутрь проникал рассеянный утренний свет, окрасивший крыши подземного города в розовые тона. Акса подошла к краю полки.

– Я, когда еще снаружи стоял, то услышал, как ты назвала колдуна “Синим”, – вспомнил мальчишка. – Почему так?

Кукса пожала плечами.

– Все колдуны и колдуньи делятся на категории. Эта ваша Лагуна была Лиловой, потому что черпала свою силу у Госпожи-Луны... – Заноза вдруг хлопнула ладонью по своему затылку. – По-моему, ее магия засела в моей голове... Я вначале не поняла, а потом разобралась – Мармадук-то на самом деле Синий. Его колдовство связано с повышенной влажностью, туманом...

– Как связано? – удивился Бобрик. – Что это значит?

– Откуда я знаю? Просто так нас так учили в школе.

– А! – сказал мальчишка с плохо скрываемой завистью. – А я сроду в школе не учился. Вот еще, зачем она мне нужна? Меня и звали туда, просили: иди, Бобер, к нам, в школу, будешь там учиться, но я им говорил... Зачем, говорил, мне ваша школа? Не нужна мне... – он заморгал и умолк под насмешливым взглядом аксы, некоторое время молчал, а потом воскликнул,

будто вспомнил что-то новое: – А Желтый? Ведь был еще такой колдун – Желтый! Очень знаменитый. Но о нем в последнее время что-то ничего не слышно...

– Да, был, – согласилась Заноза. – Он и сейчас есть...

Неожиданно ее сердечко похолодело, и она новым взглядом посмотрела на провал в потолке пещеры.

– Наперсток! – ахнула Кукса. – Он улетел! Как же Ловкач?

– Тоже улетел, – заметил Бобрик. – А тебя здесь бросил.

– Это в тебе говорит ревность, – Кукса стала поспешно вытягивать пружинный шнур, до сих пор висевший на том же месте, где она его оставила. – А я уверена, что граф успел вытащить его оттуда. Ловкач очень нужен Сокольнику – только не пойму, зачем. Идем искать графа.

Бобрик возразил:

– Он наверняка давно во дворце. Там его не достанешь.

Кукса, как раз обматывающая шнур вокруг талии, замерла с поднятой рукой, потом обернулась к мальчишке и с такой уверенностью, которая может быть присуща, допустим, большому айсбергу или, скажем, набирающей ход горной лавине, заявила:

– Я доберусь до него, где бы он ни был!

Из-за поворота каменной полки донеслось яростное твяканье и топот. Потом оттуда вынеслось пять приземистых тел.

– Осторожно! – завопил Бобрик. Первое из нападающих существ, оттолкнувшись короткими кривыми лапами, стремительно прыгнуло на нее.

Кукса присела, и гончая, пролетев над ее головой, исчезла за краем полки. “У-у-у-уй!!!” – разнесся над подземным городом разочарованный вой. Не обращая внимания на Бобрика, четверо других тварей засновали вокруг Занозы, которая выставила перед собой руку с предпоследней “выручалкой”.

* * *

После смерти старого короля городской палач, всеобщий любимец, весельчак по имени Бурун Тавот скрылся в неизвестном направлении. Но такой крупный город, как Лаверикс, просто не может обойтись без палача, и на эту должность Мармадук временно назначил единственный родственник Буруна, его племянника, которого звали Заклад Тавот. Даже Мармадук, отличающийся житейской непрактичностью, вряд ли смог бы найти более неудачного кандидата на должность палача.

Есть люди, которые боятся змей, есть те, что не переносят пауков или, допустим, как маленькие дети, пугаются темноты. Заклад Тавот страдал редкой болезнью под названием остробоязнь – его страшил любой острый, колющий и режущий предмет. А еще он не переносил вида любой жидкости красного цвета. Он даже не пил красного вина. Пока что Закладу Тавоту еще не приходилось выполнять свои непосредственные обязанности, чему он был очень рад.

Итак, новый городской палач проснулся от громкого стука в дверь. Сладко потянувшись, Заклад выполз из-под одеяла, обул тапочки и прошлепал к двери. Стоящий снаружи дворцовый служка выпалил ему в лицо:

– Велено прибыть к камерам с наивозможной поспешностью... – и убежал.

– Что же это такое?.. – недовольно забормотал Заклад. – С утра суматоха!.. – Он поспешно натянул халат и выскочил из комнаты, отведенной ему в дворцовых покоях.

Чтобы добраться до камер, надо было преодолеть пять пролетов узкой служебной лестницы и миновать два охранных поста. Стража, слышав шаги нового палача, вытягивалась по стойке “смирно” и замирала, выпучив глаза. Среди дворцовых служащих Заклад Тавот считался еще большим подлецом, чем даже Сокольник. Хотя, конечно, палач имел куда и меньшее

влияние. С виду он был добродушным, толстеньким молодым человеком, разговаривал всегда вежливо и не скупился на улыбки. Но за спиной мог устроить тебе такую пакость, что оставалось лишь качать головой (если, конечно, еще оставалась возможность качать ею).

Под лестницей тянулся каменный коридор. Шлепая задниками тапочек по пяткам, Тавот пронесся через него и у решетки одной из камер увидел стражника-тюремщика и графа Сокольника.

Граф выглядел странно. Всегда щеголяющий в модных нарядах, тщательно причесанный и с напудренным лицом, он сейчас был похож на пугало в одежде, состоящей исключительно из дыр и прорех. Волосы были всклокочены, лицо расцарапано, а под глазом темнел синячище.

– Гляди сюда! – озабоченно приказал Сокольник, приметив палача. – Видишь это?

Заклад посмотрел. В камере возле стены спал какой-то мальчишка.

– Вижу, – подтвердил Тавот, заранее холодея от ужаса. – Вроде, это акс...

– Да, акс! – рявкнул Сокольник, пронзительно глядя на Тавота. По мнению графа новый палач был даже хуже колдуна Мармадука – совсем уж жалкая, ничтожная личность.

– Именно он отравил нашего любимого короля, ты понял? – спросил граф. – Сейчас ты должен проследить за тем, чтобы привели в порядок и покрасили плаху. А через два дня ты отрубишь ему голову. Что с тобой, тебе плохо?

Услышав последние слова, Заклад Тавот отступил к стене и, привалившись к ней, закрыл глаза. Ему действительно стало плохо, закружилась голова и задрожали ноги. Ведь для того, чтобы выполнить приказание графа, Закладу пришлось бы взяться за топор, а топор палача города Лаверикса был очень, очень острым.

* * *

Лягуш по имени Топ-Ганка, тот самый, что этой ночью на площади помог стражникам справиться с мальчишкой-аксом, проснулся в своей водной постели. Кто-то несмело постукивал в дверь комнаты, отведенной для него в дворцовых покоях. Лягуш состоял как бы из двух частей, из пары, вроде бы, отдельных, но живущих вместе существ – жаба Топ, и его наездника, похожего на маленькую злую обезьянку существа по имени Ганка. Про жабу говорили “он”, а про Ганку – “оно”, потому что Ганка не относилось ни к самкам, ни к самцам. Пока Топ тяжело ворочаясь и булькая зеленой водой, продувал дыхательный пузырь, Ганка просеменило тощими лапками к двери, с трудом дотянулось до замка и отомкнуло его. Стоящий снаружи дворцовый служка почтительно склонился и прошептал в мохнатое ушко:

– Граф Сокольник вызывает к себе, уважаемый... – и поспешно ретировался, испуганно оглядываясь через плечо.

Ганка скептически скривило мордочку и, все перекособоченное, противное и липкое со сна, проковыляло обратно к бассейну, из которого как раз выбирался жаб.

– С каких это пор Сокольник имеет право вызывать, а не приглашать нас к себе? – возмущенно спросило оно, не ожидая, впрочем, ответа. Ведь, помимо Ганки, единственным живым существом в комнате был Топ, а он особым умом не отличался и потому предпочитал молчать.

– Ну, ладно... – Ганка извлекло из ящика стола огромный деревянный гребень и стало расчесывать свалившуюся за ночь бурую шерстку. Жаб выбрался из бассейна и натянул широкие шорты на лоснящиеся нижние конечности, а затем приступил к самой ответственной утренней процедуре. Каждый палец желто-зеленой перепончатой лапы он увенчал наперстком-когтем с узким тонким лезвием, на могучие покатые плечи натянул перевязь с тремя томагавками и двумя дюжинами дротиков, в кожаные ножны поясного ремня всунул короткую кривую саблю, а к бедру пристегнул пару беруч. Затем надел на левое плечо детское бархатное седло, которое пристегнул подпругами под мышкой.

Ганка, покончившее к тому времени с прической, залезло в это седло, после чего лягуш покинул комнату.

Граф ждал в своих покоях. Он успел принять душ, надеть пурпурный халат и покрыть синяк желтой пудрой. От графа разило духами “Нежность пастушки”, и чувствительный пяточок Ганка сморщился.

– Вы знаете, что найден отравитель короля? – начал Сокольник, как только лягуш переступил порог.

– А разве он не был известен раньше? – пропищало Ганка, тонко намекая на то факт, что даже самый распоследний дворцовый олух был в курсе того, кто именно подлил яд в молоко старика.

– Нет, не был, – отрезал граф. – Помните акса, которого вы схватили прошлой ночью?

Топ кивнул пупырчатой головой, а Ганка промолчало, ожидая продолжения.

– Именно он и отравил короля, – сделав честные глаза, заверил Сокольник. – Скоро его казнят... если конечно этот олух Заклад Тавот сможет удержать в руках топор. Но есть кое-кто, кто хочет спасти акса. Не буду пока вдаваться в подробности. Я использовал гончих и, возможно, они ее закусуют... а, возможно, и нет. Мы с Мармадуком посоветовались, и я решил, что преступника-акса надо спрятать за городом. Лучше всего для этого подходит остров Лимбо. Он недалеко от побережья, но все же попасть туда без корабля невозможно. Наймете корабль, пересидите некоторое время на острове и после этого вернетесь. Теперь слушайте внимательно. Сейчас пойдете на задний двор и возьмете себе фургон. Стражников я отрядить не смогу, так что едете только с Мармадуком...

Граф не успел договорить, как дверь открылась и в покои вошел колдун.

– Что я слышу?! – закричал он. – Вы собираетесь выслать меня из города, выслать меня?

Сокольник недовольно скривился, будто у него заболел зуб.

– Один лягуш может не справиться с аксой... (тут Ганка и Топ недоуменно переглянулись). Им понадобится ваша магия.

– На остров Лимбо, где живут эти мерзкие друиды? Да еще и нас с лягушем будет всего двое... то есть, всего трое против этого маленького чудовища? – не унимался колдун. – Даже и не думайте, граф, что я соглашусь на эту авантюру!

Сокольник повысил голос:

– Но мы же уже все обговорили! Не начинайте спор заново. Пока мы тут ссоримся, маленькое чудовище уже, наверное, приближается ко дворцу...

Это заставило Мармадука вздрогнуть и тревожно оглянуться, словно он испугался, будто Кукса Пляма появится сейчас откуда-нибудь из-под дивана, на котором сидел лягуш, или вдруг спрыгнет прямо с потолка.

– Во всяком случае, без дополнительной охраны я не поеду! – отрезал он.

Колдун и Сокольник с ненавистью уставились друг на друга. Топ-Ганка молчали, пытаясь понять, что это за “девчонка” – “маленькое чудовище”, которого так опасаются граф с колдуном.

– Ну хорошо, хорошо... – сдался наконец Сокольник. – Акс ведь до сих пор спит? Вы можете положить его в фургоне и по дороге заехать на рынок наемников. Наберете отряд, какой захотите. Я оплачу... то есть, королевская казна оплатит расходы.

Через полчаса из небольших ворот позади королевского дворца выехал фургон. Внутри на полу лежал спящий Пак Ловкач, а рядом с ним сидел лягуш. Топ сразу же задремал, а скупающий Ганка забавлялся тем, что щипал за щеку Ловкача и веселился, глядя, как тот во сне морщится и дергает головой. В фургон были впряжены два больших черных жеребца, а на козлах сидел Мармадук. Им предстояло выехать из Лаверикса через восточные ворота, преодолеть небольшое расстояние до портового города под названием Улов, нанять там корабль и доплыть

на нем до острова Лимбо. Но по дороге Мармадук собирался завернуть на рынок, где тот, кто отправлялся в поход, всегда мог нанять себе в помощь нескольких отважных сорвиголов.

Выпроводив лягуша с колдуном, Сокольник с облегчением вздохнул, позавтракал и потом быстренько написал указ. Он вызвал к себе королевских глашатаев, вручил им указ и приказал немедленно огласить, а затем развесить на всех улицах Лаверикса. В указе сообщалось, что убийца короля найден, и ему отрубят голову послезавтра ровно в полдень на главной городской площади.

Мармадука, основного конкурента графа, претендующего на королевский трон, удалось выпроводить из города. Сокольник надеялся, что за время отсутствия колдуна успеет договориться с дворянами и баронами, у которых были поместья вокруг Лаверикса, и настроить их против колдуна.

Глашатаи вскоре вернулись и сообщили, что указ-то они огласили и развесили, но слушать и читать особо некому – судя по всему, население Лаверикса уменьшилось за эту ночь примерно втрое, все разбежались. “Ничего, вернутся” – решил Сокольник и вышел на балкон проветриться.

С третьего дворцового этажа открывался вид на окруженную домами широкую площадь, где сейчас не было видно ни одного человека. Вдруг совсем недалеко что-то рвануло с оглушительным шипением. Граф прищурился, удивленно оглядываясь, и увидел, что из-за крыш домов вверх ударил сноп густо-лилового света. Вся площадь содрогнулась.

Был бы здесь Мармадук, он бы смог растолковать Сокольнику, что это похоже на действие магии ведьмы Лагуны, но граф ничего не смог понять. А на самом деле произошло вот что...

Глава 2

– Давай! – Кукса подтянулась на одной руке, вытаскивая Бобрика за собой. Мальчишка схватил ее за шею и наконец подобрался к карнизу, отходившему от стены в шести локтях над полом. Самая резвая из оставшейся четверки гончих подпрыгнула особенно высоко, ее зубы клацнули прямо возле пятки Занозы.

Кукса принялась распутывать пружинный шнур, который успела достать из пропасти. Недалеко от них в потолке виднелось довольно широкое отверстие, ведущее, скорее всего, на поверхность – больше ему вести было просто некуда. Следовало добраться до него...

Бобрик дышал тяжело.

– Где ты научилась вытворять такое? – моргая, пробормотал он и содрогнулся. – В своей школе? Когда они разом набросились... И двоих ты сразу заколола, но другие остались... Я думал, нам уже крышка... Но тут ты оторвала ей хвост!..

Не слушая мальчишку, Заноза разматала шнур и швырнула “кошку” в отверстие. Стихим лязганьем железные крюки зацепились за что-то. Заноза подергала – вроде бы крепко.

– Давай первым! – приказала она, вручая Бобрику конец шнура. – Отталкивайся – и как на качелях...

Он попытался возразить, но Заноза, удостоверившись, что Бобрик крепко сжимает шнур, толкнула его. Этот момент самая резвая гончая выбрала для того, чтобы опять подпрыгнуть. Ее тело взвилось в воздух, а зубы звонко клацнули. Бобрик от страха заорал и, разжав пальцы, полетел вниз. Шнур качнулся и отлетел обратно к карнизу – Кукса подхватила его, глядя туда, где четыре вытянутые морды сомкнулись над мальчишкой.

– Ай! – пискнула вдруг Заноза. – Что происходит? Прекрати, гадкая старуха!

“Не бойся, я совсем чуть-чуть помогу тебе”, – произнесла Лагуна внутри ее головы.

Занозе показалось, что в районе темени проклюнулся вдруг горячий пузырь. Он быстро разросся, заполняя голову и продолжая нагреваться.

– Ай! – снова взвизгнула она, и после этого магия ведьмы Лагуны сработала.

* * *

Вскоре Бобрик смог вытащить Занозу на поверхность. Он остановился на краю провала, положил ее на землю, а сам присел рядом на корточки. Похлопал ее по бледным щекам. “Не красавица, но симпатичная” – подумал он и вздохнул. Заноза открыла глаза и посмотрела на мальчишку, который в свою очередь серьезно рассматривал ее.

– Где это мы? – спросила она наконец.

– Возле того места, откуда Наперсток взлетел, – пояснил мальчишка. – Люди все отсюда сбежали, поэтому тут безопасно.

Заноза медленно села.

– Что произошло?

– А ты не помнишь?

– Я... – Она приложила ладони к вискам и нахмурилась. – Тогда Лагуна вошла в мою голову и оставила в ней свою магию... Она сказала: ее магия лучше работает ночью, но может иногда пригодится и днем. Хотя днем она гораздо слабее. Так что произошло?

– У тебя из глаз вдруг пошел такой яркий лиловый свет... двух гончих сжег, а двух куда-то унес. Но тебя и саму подбросило, и ты стукнулась головой о потолок, да так сильно... я думал, она у тебя треснет. Ну а потом я тебя взял и утащил оттуда, пока те два пса, которые вроде бы остались живы, не вернулись.

– Голова у меня не треснула, – сообщила Заноза, поднимаясь. – Потому что голова – мое самое сильное место. А вообще, мне все это надоело! Стараешься, работаешь, тут ни с того ни с сего появляются какие-то псины и начинают тебя кусать! Откуда они вообще взялись?

Бобрик пожал плечами.

– Может, Мармадук?..

– Может быть, – Кукса вдруг топнула ногой и решительно подтянула порванную юбку. – За всю предыдущую жизнь я ни разу не теряла сознания, а тут – два раза подряд! Это просто оскорбительно! Ты, Бобрик, как хочешь, а я иду во дворец. Такая легкая задача – вытащить Ловкача, а я никак не могу справиться!

Людей на улицах было совсем мало – по дороге Заноза с Бобриком увидели всего пару-тройку телег, на которых горожане целыми семьями ехали прочь из Лаверикса.

Они решили, что нет смысла подходить ко дворцу с парадного входа, а надо попытаться зайти с тыла и двинулись в обход. Когда они уже почти пришли, Бобрик вдруг отпрянул, потянув Куксу за собой. Они отскочили и присели, спрятавшись в кустах, растущих по обочине дороги.

– Смотри, смотри... – мальчишка показал на запряженный парой черных коней фургон, который ехал прочь от дворца. – Это же колдун там сидит!

Действительно, на козлах восседал Мармадук, которого даже издали легко было узнать по пышной и пестрой, как у клоуна, одежде.

– А хорошо я ему тогда камнем вцепил, – похвастался Бобрик. – Раз – и готово!

– Куда это он направляется? – пробормотала Заноза, не слушая его. – И кто там еще едет?

Но окошки фургона были закрыты изнутри черными шторками, не позволяющими разглядеть пассажиров.

Когда фургон скрылся из виду, они двинулись дальше, и вскоре вышли к узким воротам в каменной стене, которая окружала заднюю часть дворца. Возле ворот дежурили двое стражников, а по бокам от них вдоль стены росли густые заросли ежевики.

– Будем драться? – деловито предложил Бобрик. – Я возьму камень...

Кукса покачала головой.

– А если они шум подымут? Мы-то их побьем, но могут прибежать другие, а я сейчас не в самой хорошей форме. Нет, лучше по-другому.

Она потянула Бобрика в сторону от ворот. Отойдя на такое расстояние, чтобы стражники их не видели, они быстро перебежали пустое пространство и нырнули в кусты ежевики. Солнце уже поднялось высоко, в кустах было жарко и громко жужжали пчелы. Подойдя к самой стене, Заноза смотала с пояса пружинный шнур, хорошенько прицелилась и швырнула “кошку” на его конце вверх. Один из крюков зацепился, Заноза подергала – держится крепко.

– Ну, хорошо, – сказала она. – Ты пока побудь здесь...

Бобрик обиженно надулся.

– Опять ты за свое? Я как мужчина не могу отпустить тебя одну в самое логово жестокого врага. Я вообще должен первым лезть.

– Девушкам надо уступать дорогу, – возразила Кукса. – Да и зачем ты мне там нужен? Я сама тихо проберусь, а с тобой...

– Я тоже тихо проберусь! – закричал мальчишка возмущенно, и несколько пчел взвились в воздух, взбудораженные его криком. – Я же ловкий, я же...

– Только не кричи! – попросила Кукса. – Стражники сейчас прибегут. Хорошо, не хочешь оставаться, идем вместе. Но я первая, понял? А иначе вообще с собой не возьму!

Все еще надувшийся Бобрик обдумал это и сказал:

– Так и быть, пропускаю тебя вперед. Но ты ничего такого не думай, это я просто из вежливости, потому что я привык к женскому полу относиться с уважением.

– Ничего я и не думаю, – произнесла Заноза и полезла по шнуру вверх.

На другой стороне стояло несколько телег с сеном. Рядом виднелась конюшня с распахнутыми дверями, внутри нее кто-то ходил и иногда оттуда доносилось ржание.

Кукса с Бобриком перебежали через двор и очутились возле приоткрытой двери, из которой вкусно пахло. Бобрик шумно втянул носом воздух и сглотнул.

– Бличики... – мечтательно протянул он. – С яблоками... А еще... сейчас-сейчас... еще пирожки с мясом, вареные яйца, фруктовый салат и перловка... фу, перловка!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.